

Сделать быт умнее

Скоростной «оптический» Интернет и развитая инфраструктура становятся для провайдеров обязательной основой успешного развития, а потребителю дают возможность пользоваться современными технологиями везде, где есть доступ в Интернет. Ведущий цифровой провайдер «Ростелеком», следуя этой тенденции, предложил жителям Твери и Тверской области инновационную технологию «Умный дом», позволяющую обезопасить жилище от постороннего вторжения или от аварийных ситуаций

Новое коробочное решение оператора представляет собой комплекс устройств, подключенных к сети Интернет и позволяющих осуществлять удаленный контроль за происходящими дома событиями. «Умный дом» предлагается в двух вариантах: базовом и расширенном. Первый включает контроллер, датчики открытия дверей и окон и движения в помещении — проще говоря, он нацелен на защиту исключительно от незаконного проникновения. Хотя в качестве приятного бонуса датчики открытия фиксируют температуру и уровень освещенности помещения. Что касается комплекта «расширенного» — в него входят дополнительные датчики: дыма и протечки.

Ядром «Умного дома» является именно контроллер, с помощью которого и осуществляется управление всеми остальными устройствами системы. Он подключается к Интернету через кабельный канал абонента или Wi-Fi и обеспечивает беспроводное взаимодействие с датчиками. Контроллер работает от электросети, но также оснащен резервной батареей, которая выручит в случае отключения электричества. Все остальные приборы работают от обычной батарейки. Емкость контроллера позволяет присоединить к системе до 300 различных устройств и датчиков, в том числе и видеокамеру, которую ранее оператор презентовал в рамках услуги «Видеонаблюдение». По словам руководителя направления, группы организации продаж Александра Андропова, управление датчиками может быть как принудительным, когда надо, например, срочно удаленно выключить забытый утюг, так и спланированным, когда пользователь задает определенный сценарий, в соответствии с которым система работает. Например, вы можете поставить соответствующие «галочки» и получать информацию только об изменениях температуры в помещении или только об открытии входной двери. И количество таких заданных схем информирования пользователя не ограничено. «Устройства устанавливаются из «коробки» и после подключения готовы к работе, — продолжает Александр Андропов — Для управления ими используется веб-интерфейс («Личный кабинет» на сайте оператора

услуги) или мобильное приложение. Здесь же можно настроить сценарии, по которым «Умный дом» будет действовать».

Оповещение о происходящих в вашем доме изменениях происходит через push-уведомление на смартфоне, SMS или по e-mail. Информация обо всех событиях, зафиксированных устройствами (отчеты событий, видеоархив), хранится в облаке и, соответственно, не может быть утеряна или похищена. «Вся аналитика с датчиков, входящих в «Умный дом», и вся видеоаналитика хранится на сверхзащищенной платформе «Ростелекома», которая максимально закрыта от атак любого рода, — поясняет директор по работе с массовым сегментом Ольга Телеченко. — Хранится она в зашифрованном виде. Поэтому все, что происходит у вас, знаете только вы».

Примечательно, что установить «Умный дом» могут как абоненты Ростелекома, так и пользователи любого другого оператора. Но для «своих», естественно, есть определенные ценовые преимущества. Если говорить о стоимости комплектов, то базовый набор обойдется в 11590 рублей, а расширенный —

Ядром «Умного дома» является именно контроллер, с помощью которого и осуществляется управление всеми остальными устройствами системы.

16990 рублей. При этом для существующих клиентов «Ростелекома» доступен вариант рассрочки на два года с первоначальным взносом 1300 рублей. При такой схеме оплаты в течение двух лет ежемесячный платеж составит 600 рублей за базовый комплект или 900 рублей за расширенный. Причем во время рассрочки сама услуга будет предоставляться бесплатно, а по истечении льготного периода ежемесячная абонентская плата за обслуживание одного контроллера составит 350 руб./мес — независимо от количества подключенных к нему устройств.

Перечисленные датчики — это только первая «порция» устройств, которые входят в состав «коробки». В скором времени услуга будет наполнена и другими умными опциями: розеткой, модулем отключения воды, отдельным датчиком температуры и освещенности и многим другим. Кроме того, сейчас оператор ведет переговоры с рядом охраняемых предприятий, которые будут выезжать по сигналу клиента на место.

Все это, безусловно, сделает жизнь абонентов еще комфортней. «Само понятие «комфорт» давно переросло мягкий диван и уютные тапочки. Теперь это еще и Интернет вещей», — комментирует новую услугу директор Тверского филиала ПАО «Ростелеком» Дмитрий Ухов. — Уверен, что в тверском регионе у продукта найдутся почитатели: в самой Твери «Умный дом» подключили уже пять абонентов, хотя официальный старт продаж в ЦФО состоялся только 25 апреля».

Получить подробную информацию о продукте, ценах и оставить заявку на установку можно по единому бесплатному телефону 8-800-100-0-800, на сайте rt.ru или в ближайшем офисе продаж «Ростелекома».

Защитники мира

Как служили на границе зоны отчуждения Чернобыльской АЭС спустя год после катастрофы

Ликвидатор последствий чернобыльской катастрофы Павел Бондарь, награжденный орденом Мужества, в годовщину взрыва рассказал нашему журналисту, как молодые курсанты милиции становились защитниками всего мира от невидимого оружия. Ныне полковник Павел Бондарь — начальник штаба УМВД по Твери. Уже около 30 лет он служит в правоохранительных органах, пройдя Нагорный Карабах, шесть командировок в Чечню, службу в Тюмени, Торжке и Твери. Тогда, в 1986 году, он был курсантом Днепропетровской школы милиции, за год до этого поступившим на первый курс дневного отделения.

— Когда и как вы узнали об аварии?

— Известно стало не сразу — все готовилось к Первомайскому празднику и 9 мая. Для школы милиции — это охрана общественного порядка и участие в параде. Уже после праздников узнали о несчастье. Выдавали информацию, скажем так, порционно. Слухов никаких ни в училище, ни в городе не было. Да и не до этого было: мы, курсанты, все были заняты сессией. Но потом уже никто информацию не закрывал, все до нас довели. Построили на плацу, сообщили, что подразделению Днепропетровской школы милиции «оказаны честь и доверие выполнить специальное правительственное задание в зоне аварии на Чернобыльской атомной станции». Ни у кого ни один мускул не дрогнул. Хотя и масштабов аварии не представляли.

— Когда началось ваше участие в ликвидации?

— Подготовку начали в ноябре-декабре. Особый отдел проводил собеседования с курсантами, оценивая готовность выполнить задачу. Но при этом не

прессовал. Тогда еще никто не знал, что надо будет делать, — это все в последний момент озвучивалось. А я тогда встречался с будущей женой. Весной планировали пожениться.

Меня вызвали в политотдел и говорят: «Есть информация, что ты собираешься вступить в брак. Жена знает, что ты обязан выполнить поставленную задачу?». «Нет», — говорю. И мне предлагают чтобы она обозначила решение — согласиться или отказать — в письменном виде, под расписку.

Я приехал 30 декабря домой и говорю: «Давай все плохое оставим в старом году и возьмем все хорошее в новый. Я еду в Чернобыль в составе сводного батальона». Вот так и рассказал дома. Поездка туда была делом принципа. Если служить в армии — то только в лучших войсках и в Афганистане. У нас в учебке командиры были с наградами за Афганистан и ходили с тростью после ранений. Люди этим живут. Все курсанты просились туда. То же самое — и с Чернобылем.

— Чем вы занимались на месте ликвидации?

— Отправили нас на территорию Белоруссии — Гомельская область, деревня Бабчин. Мы заменили Донецкую школу милиции. И находились там с 14 апреля по 14 мая 1987 года. Сразу понимали, что, как и положено милиции, будем охранять порядок — патрулировать по периметру 30-километровой зоны отчуждения. Потом уже оказалось, что будем проводить и пропуск на КПП — досматривали транспорт на границе зоны. Она уже была огорожена колючей проволокой к моменту нашего приезда. Там уже стало понятно, что здесь такое, — по тому, как нас встречали, сопровождали, создавали условия.

Со стороны местных было огромное внимание и уважение к нам. До сих пор с теплом вспоминаю это. По нашей форме все знали, что мы — оттуда. Заходишь в магазин — очередь расступается. Отнекиваешься — говорят: «Давайте, сынки, мы по-

том, вы тут нас защищаете». Жители Гомеля нас провожали. И это было везде и всюду. Было понимание, что люди там не остаются одни — работает вся страна.

— Какими были первые впечатления?

— Когда приехали к границе, долго куда-то не направляли. Сидим уже два часа в автобусе. Кто-то находчивый предложил в футбол поиграть. Тут и мяч откуда-то взялся. Выбежали на лужайку рядом, минут 15 погоняли — и тут БТР выползает, люди в ОЗК (общевойсковой защитный комплект. — прим.ред.) вылезают, забирают ребят, кто был до нас, и увозят. Свою дозу облучения они уже получили.

— КПП представлял из себя пост военного времени?

— Да. Были ведь и случаи мародерства — кто-то проникал внутрь. А там оставались и машины, и техника, и остальное. Какая радиация, кто в это верил? Нормальные же вещи лежат. Пытались перекинуть резину, двигателя. Но все пресекалось. Хотя и не сказал бы, что таких много было. Армия все-таки тоже работала.

— На себе радиацию там ощутили?

— По истечении двух недель у меня появились симптомы облучения: кровь из носа пошла, кратковременные потери сознания были, усталость, утомляемость. После обследования решили снять меня с поста на КПП и перевести старшим дозиметристом. У друзей симптомы тоже бывали. Но даже когда облучение проявлялось, значения этому не придавали. Не связывали со службой в таком месте.

— Неужели не замечали, что если обычно ты чувствуешь себя хорошо, то сейчас стал чаще уставать?

— Замечали, но это происходило позже. Это же все накатывало постепенно. А такого, что сегодня я в порядке, а завтра никакая, — такого не было.

Врачи в Украине, в Республиканском центре защиты населения от радиации настоятельно рекомендовали воздержаться от отцовства. Но у меня сегодня — пять детей, и, к счастью, на них это никак не сказалось.

«Здоровый Дом» оказался нездоровым

Покупатель отсудил у компании «Здоровый Дом» сумму за товар, купленный в кредит, которая оказалась выше стоимости в четыре раза. Разбирательство шло почти два года, и за это время компания обанкротилась

Тверская фирма убедилась женщину купить прибор мягкой теплоты (трехкомпонентный ковер) за почти сорок тысяч рублей. Покупка произошла в магазине, где демонстрировались чудесные свойства товара. Женщина обратилась за кредитом в «Альфа-банк», который выдал ей на срок 12 месяцев под 33% годовых. Товар был приобретен.

Через три месяца прибор начал «шалить»: самопроизвольно повышалась установленная на пульте управления температура (становилось слишком жарко), а также перестали работать некоторые светодиоды. Женщина обратилась в компанию и предложила расторгнуть договор купли-продажи и вернуть уплаченные за товар деньги. Однако деньги от продавца так и не по-

пытывает сильное расстройство: на момент решения суда в компании уже работал конкурсный управляющий, что свидетельствует о том, что фирма находится в состоянии банкротства. Соответственно, шансы получить деньги с компании очень невелики.

В принципе, женщина попала в очень распространенную ситуацию, когда продавцы работают так, что впоследствии с них деньги не взыскать. Суд, как правило, оказывается на стороне потребителя, только решение суда потом предъявлять некому. Очень часто граждане сами удивляются, как они пошли на такую сделку и приобрели ненужный товар. Тульские пенсионеры пришли в частную клинику на обследование, а ушли с грелками за 170 тысяч рублей, уральская жительница купила подушку из искусственного меха за 53 тысячи рублей, липецкий житель приобрел верблюжий пояс за 70 тысяч рублей, в Нижнем Новгороде клиника после бесплатного обследования пациента настояла на оформлении кредита для прохождения лечения —

Эксперты предупреждают: если вы подписали договор, то в дальнейшем действия продавцов нельзя квалифицировать как мошенничество. Это гражданско-правовые отношения. Причем на одной стороне доверчивый покупатель, а на другой — хитрый продавец.

лучила. Тогда для выяснения причины дефекта товара женщина обратилась к экспертам, которые дали заключение о том, что прибор имеет дефекты производственного характера. С данным заключением покупательница обратилась в суд, который счел выводы эксперта мотивированными и принял их в качестве доказатель-

зу, услуги юридической компании, а также расходы на оплату услуг представителя в суде и госпошлина в бюджет Твери. Так компания «Здоровый Дом» на своем отказе добровольно возместить деньги за неисправный товар потеряла более 160 тысяч рублей.

Однако есть некоторые сомнения, что фирма ис-

лучила. Тогда для выяснения причины дефекта товара женщина обратилась к экспертам, которые дали заключение о том, что прибор имеет дефекты производственного характера. С данным заключением покупательница обратилась в суд, который счел выводы эксперта мотивированными и принял их в качестве доказатель-

Чувствовать себя хорошо помогали сон и хорошее питание. Кормили — как на убой. Алкоголь, кстати, не помогал — это неправда, что на КПП целые ящики с водкой стояли.

— В чем заключалась работа дозиметриста?

— Я три раза в день проезжал с нарядом на ПАЗике километров 12-15 вдоль границы зоны и измерял уровень радиации — понизился или повысился фон. Идешь с аппаратом, в одну сторону поворачиваешь — чуть пищит, в другую — сильнее, а на север повернешь — писк сливается в один сплошной рокот. И понимаешь, откуда проблемы идут. Или когда наряд встречает дозиметристов, делают замер и говорят: «Раздеваемся». Они снимают все вплоть до нижнего белья, тут же все это запаковывается в полиэтиленовые мешки и закапывается. Нашу форму тоже постоянно меняли из-за накапливавшейся радиоактивной пыли. Даже машинам, вернувшимся из зоны, нельзя было поднимать капот, чтобы масло поменять. Их просто загоняли в ангар, закрывали на ключ и присылали туда новые. Все из-за той же пыли.

— Что было сложнее всего на этой работе?

— Для человека опасность должна быть осязаемой. Но там ее не видно. Солнце светит, ветер дует, цветы растут. Представляете, что такое апрель на Украине? А тебя предупреждают, что все это опасно. Да и людям говорили, что проводятся учения, — поэтому нужно взять только самое необходимое. Поэтому когда идешь по селу в зоне, а в домах занавески висят, цветы стоят, думаешь — просто все куда-то на массовое мероприятие ушли и скоро вернутся. Но ничего не происходит. Это тяжело.

— Далеко вглубь зоны не залезали?

— Нет, только если какого-то нарушителя задерживать. Но это все в близлежащих деревнях.

— Не было желания поскорее уехать оттуда?

— После первых двух недель мне предлагали на законных основаниях уехать, но я отказался. Собирались тогда вступить в партию, и уехать, не выполнив задачу, было бы дурным тоном. И увольняться тоже не стал. Отец говорил: «Сынок, не рискуй — пиши рапорт». Я ответил, что я себя тогда уважать перестану. Тогда ведь на ликвидацию вызывали даже офицеров из запаса. Мне тогда казалось, что вся страна там была, в Чернобыле. Наша Днепропетровская школа вся там побывала.

— Что было после возвращения из зоны?

— В Днепропетровской школе встречали отлично, с цветами, награждали. Никто из нас не сплхохвал, и все задачу выполнили. Потом выдали удостоверение ликвидатора и нагрудный знак. Мне еще когда передали карту дозы облучения (она выдавалась каждому), сказали «отложи ее в архив и забудь — как знать, может, когда-нибудь это будет приравнено к выполнению боевых задач». А когда уже спустя много лет Президент подписал указ о присвоении ордена Мужества, я понял, что и правда не зря отложил.

— Долго еще последние сказывались на здоровье?

— Лет через пять только прошло. А до того мог на лекции в академии отключиться на минут-полторы. Перед этим накачивала уста-

лость — ноги и руки ватные, спать хочется, будто неделю не спал. Но моргнул глазами — и организм восстанавливается. Лечение специального не было — ограничивалось обследованиями. Да и нынешние медицинские диагнозы не считаю полученными из-за Чернобыля — это, скорее, профессиональное.

Мне еще врачи в Украине, в Республиканском центре защиты населения от радиации настоятельно рекомендовали воздержаться от отцовства. Но у меня сегодня — пять детей, и, к счастью, на них это никак не сказалось. Я переживал по этому поводу, но все хорошо. Жене надо отдать должное, что не побоялась.

— Возле самой атомной станции вы не были?

— Нет, да и как-то не было желания. Вот там, где служил, я бы побывал вновь. Туда тянет. В Белоруссии был, но в место службы не заезжал.

— Что стало с вашими друзьями, с кем служили тогда?

— В нашем взводе был 31 человек. Почти все из них оставались на Украине, служили в органах. В 2010 году, когда я последний раз приезжал в Днепропетровск, в живых оставалось из них 14. С кем-то поддерживаю связь и еще с другими ликвидаторами, с которыми позднее в Тюмени познакомился. Сегодня тоже созванивались с некоторыми. Но чувство странное — вроде позвонить и пообщаться нужно, а что сказать — не знаешь. Наверное, нужно только говорить «спасибо» — за то, что дожил и что все в порядке.

Антон ПОХИЛЯК